

Александр ГАЛИЧ. «Я ВЫБИРАЮ СВОБОДУ»

Прежде чем выбрать свободу, надо выдать из себя раба. Александр Галич выбрал, пожалуй, самую трудную свободу — «быть просто самим собой». И сам этот выбор был уже актом гражданского бесстрашия — человека и поэта. Будем честными: далеко не каждый из нас рискнул сделать в те годы свой выбор так безоговорочно и мужественно, как сделал это он. Ведь все понимали, что официально тиражируемые песенные строчки типа «Комсомольцы — беспокойные сердца! Комсомольцы все доводят до конца!» имеют весьма приблизительное отношение к патриотизму и гражданственности, а к литературе и вообще никакого. Ну, может, ерничили по этому поводу. А дома вечерами и в компании близких друзей слушали другое:

*Где бродили по зоне казны,
Где под снегом искали гнилые корни,
Перед этой землей никакие «премьеры»,
Подтянувши штаны, не преклонят колени!*

Это сейчас мы смелые. А в те годы, когда на хорошо удобренной почве застоя начали снова прорастать жирные побеги сталинщины, такие слова ох как дорого могли стоить автору. Александр Галич расплатился сполна. За каждую из своих песен, которые были нам как глоток свободы, глоток свежего воздуха.

Профессиональным критикам — оценивать творчество Галича, определять его место в нашей литературе. Хочу сказать только об одном, с моей точки зрения, очень важном качестве его поэзии.

Песни эти, широко расхвалившиеся в магнитофонном самиздате, весьма существенно сдержали процесс деградации общественной морали. С ними было гораздо труднее двурушничать, лжесвидетельствовать, жить по двойной шкале нравственных ценностей. Они позволяли сохранять тот духовный потенциал, который тоже закладывал нравственный фундамент перестройки. В известной степени, конечно. Но кто измерит эту степень? И какой мерой?..

Трудно выдавливать из себя раба. Вот опять — слушаю кассеты с записями А. Галича, читаю машинописные тексты. А кто-то внутри нашептывает: «А приспело ли время? А так ли поймут?» И спрашиваешь самого себя: а разве время жить по совести, «быть просто самим собой» может придти и уходить?

К нам возвращается Александр Галич. Подборки его стихов, как ростки пусть и запоздалого признания, делают честь ведущим нашим отечественным журналам.

В поэме А. Галича «Кадеш» есть стихи о расстреле немцами сторожа-поляка в еврейском доме сирот. Кончаются они такими строчками:

*...О, дай мне, бог, конец такой,
Всю боль испив до дна,
В свой смертный миг джхнуть рукой
Глядящим из окна.*

Примем с благодарностью прощальный взмах руки поэта.

Ю. КУКАНОВ

**Я выбираю свободу —
Но не из боя, а в бой,
Я выбираю свободу
Быть просто самим собой.**

Когда-нибудь дошлый историк
Возьмет и напишет про нас,
И будет насмешливо горек
Его непоследовательный рассказ.
Напишет он с чувством и толком,
Ошибки учтет наперед,
И все он расставит по полкам,
И всех по костям разберет.
И вылезет сразу, в середину
Та главная, наглядная кость,
Как будто окурок в селедку
Засунет упиавшийся гость.
Чего уж казалось бы проще —
Обсрывать ее и забыть?
Но в горле застрявшие мощи
Забьются вином не запыть.
А далее — кости полные
Пойдут по сравнению с той —
Полные, но странно похожи
Бесстыдной своей наготой.
Обмылки, огрызки, обноски,
Ошметки чужого огня...
А в сноске — вот именно в сноске —
Помынет историк меня.
Так значит — за эту вот строчку,
За какую каплю чернил
Воздвиг я себе одиночку
И крест свой на плечи взвалил.
Так значит — за строчку вот эту,
Что бросит мне время на чай,
Веселому, щедрому свету
Сказал я однажды: «Прощай!»
И милых до срока состарил,
И вольно шагнул за предел,
И любящих плакать заставил,
И слышать их плач не хотел.
Но будут мои подголоски
Звенеть и до судного дня.
И даже не важно, что в сноске
Историк не вспомнит меня.

ЗАНЯЛИСЬ ПОЖАРЫ

...Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пекут
И осина уже не дрожит.
Анна Ахматова. «Июль 1914»

Отравленный ветер гудит и дурит
Которые сутки подряд.
А мы утешаем своих Маргарит,
Что рукописи не горят!
А мы утешаем своих Маргарит,
Что — просто — земля под ногами
горит,

Торят и дымятся болота —
И это не наша забота!
Такое уж время — весна не красна,
И, право же, просто смешино,
Как опер в саду забывает «козла»,
И смотрит на наше окно,
Где опер и утром темно.
А опер усердно играет в «козла»,
Он вовсе не держит за пазухой зла,

Ему нам вредить неохота,
А просто — такая работа.
А наше окно на втором этаже,
А наша судьба на виду...
И все это было когда-то уже,
В таком же крошечном году!
Вот так же, за чаем, сидела семья,
Вот так же дымилась и тлела земля,
И гость, опьяненный пожаром,
Пророчил, что это недаром!
Пророчи и я, что земля неспроста
Крахтит, словно взорванный лед,
И в небе серебряной тенью креста
Недвижно висит самолет.
А наше окно на втором этаже,
А наша судьба на крутом вираже,
И даже для этой эпохи —
Дела наши здорово плохи!
А что до пожаров — гаси не гаси,
Кляни океанное лето —
Уж если пошло лыхать на Руси,
То даром не кончится это!
Усни, Маргарита, за пряхкой своей,
А я — отдохнуть бы и рад,
Но стелется дым, и дурит суховей,
И рукописи горят.
И опер, смеясь на столе домино,
Глядит на часы и на наше окно.
Он, брови намурмурив густые,
Партнеров берет в понятия.
И черные кости лежат на столе,
И кошка крадется по черной земле
На вежливых сумрачных лапах.
И мне уже дверь не успеть запереть,
Чтоб книги попрыгать и воду согреть
И смочь керосиновый запах!

НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ

Памяти М. М. Зощенко
В материнском субботнем
загуле шаманчика
Обезьянка спала на плече
у шаманчика.
А когда просыпалась, глаза ее жуткие
Выражали почти человеческую
отчаянность,
А шаманка дудела про сопки
маньчжурские,
И Тамарка-буфетчица очень
печалилась...

Спит Гаолян,
Сопки покрыты мглой...
Были и у Томки трали-вали,
И не Томкой — Томочкою звать,
Целовалась с миленьким в окошке,
И не пивом пахло, а апрелем...
Может быть, и впрямь на той высоте
Сизнул он, порубан и пострелян...
Вот из-за туч блеснула луна,
Могилы хранят покой...
А последний шаманчик —
обломок империи,
Все пылил перед Томкой
пядьными перьями,
Он выламывал, цукура,
зимники буржуйские —

То, мол, теплое пиво,
то мясо прохладное,
А шаманка дудела
про сопки маньчжурские,
И спала на плече обезьянка
прокатная...
Тихо вокруг,
Ветер туман унес...
И, делая тоской, как барышами,
Подпевали шлюхи с алкашами.
А шаманчик ел, зараза, хаши,
Алкашам подмигивал прелестно —
Дескать, денги ваши — будут наши,
Дескать, вам приятно — мне полезно!

На сопках Маньчжурии войны спят,
И русских не слышно слез...
А часов этак в десять, а может, и ранее,
Непонятный чудак появился
в шаманчике:
Был похож он на вдруг
постаревшего мальчика,
За рассказ, напечатанный неким
журнальчиком,
Толстомордый подонок с глазами
обманщика
Объявил чудака — всенародно —
обманщиком!

Пусть Гаолян
Навевает нам сладкие сны...
Сел чудак за стол и ажал в угол,
И легонько пальцами постукал,
И сказал, что отдохнет немного.
Помолчав, добавил напряженно:
«Если есть боржом, то, ради бога,
Дайте мне бутылочку боржома».
Спите, герои русской земли,
Отцисны родной сыны...
Обезьянка проснулась, тихонько
зацокала,
Загляделась на гостя, присевшего
около.
А Тамарка-буфетчица, сука рублевая,
Покачала смущенно прическою негую
И сказала: «Пардон, но у нас
не столовая,
Только вы обождите, я на угол сбегаяю».
Спит Гаолян,
Сопки покрыты мглой...
А чудак глядел на обезьянку,
Пальцами выстукивал морзянку,
Словно бы он звал ее на помощь,
Удивляясь своему бездомью,
Словно бы он спрашивал:
«Запомнишь?»
И она кивала: «Да, запомню».
Вот из-за туч блеснула луна,
Могилы хранят покой...
Огодвинуд шаманчик шаманку
ботинкою,
Прибежала Тамарка с боржомной
бутылкою
И сама налила чудаку полстаканчика
(Не знавали в шаманке
подобные почести!),
А Тамарка, в упор поглядывая
на шаманчика,
Приказала: «Играй! — человек
в одиночестве».
Тихо вокруг,
Ветер туман унес...
Замочдали шлюхи с алкашами,
Только мухи крыльями муринали...

Стало почему-то очень тихо,
Наступила странная минута —
Непонятное, чужое лихо
Стало общим лихом почему-то.
На сопках Маньчжурии войны спят,
И русских не слышно слез...
Не взрывалось молчанье ни матом,
ни брехами!
Обезьянка сипела спаленными
бронхами,
А шаманчик, забыв трепотню
свою барскую,
Сам назначил себе — мол, играй
да помалкивай...
И почти что неслышно сказав:
«Благодарствую»,
Наклонился чудак над рукою
Тамаркиной!

Пусть Гаолян
Навевает нам сладкие сны...
И ушел чудак, не взявши сдачи,
Всем в шамане пожелав удачи!..
...Вот какая странная эпоха —
Не горим в огне и топем в луже!
Обезьянке было очень плохо —
Человеку было много хуже!
Спите, герои русской земли,
Отцисны родной сыны.

МЫ НЕ ХУЖЕ ГОРАЦИЯ

Вы такие нестерпимо ражие,
И такие, в сущности, примерные.
Все томят вас бури вернисажные,
Все шатают паводки премьерные.
Ходите, тишайшие, в неистовых,
Феями цензурными заняньканы!
Ну, а если — ни премьер, ни выставок,
Десять метров комната в Останкино!
Где улыбкой стражники-наставники
Не сияют благостно и святочно,
Но стоит картина на подрамнике...
Вот и все!
...А этого достаточно!
Там стоит картина на подрамнике,
Этого достаточно!
Осудив и совесть и бесстрашие,
Вроде — не заложить и не купить их,
Ах, как вы присутствуете, ражие,
По карманам рассовавши кукиши!
Что ж, зовите небылцы былями,
Окликайте стражников по имени!
Бродят между ражими Добрынями
Тунейдцы Несторы и Пимены.
Их имен с эстрады не расширили,
В супер их не тискают облаточный...
«Эрика» берет четыре копии,
Вот и все!
...А этого достаточно!
Пусть пока всего четыре копии —
Этого достаточно!
Время сеет ветры, мечет молнии,
Создает советы и комиссии.
Что ни день — фанфарное безмолвие
Славит многодумное бессмыслие.
Бродит кривда с полюсы на полюсу,
Делится с соседской кривдой опытом,
Но гремит — напето вполголоса,
Но гудит — прочитанное шепотом!

Ни партгера нет, ни лож, ни яруса,
Кляка не безумствует припадочно...
Есть магнитофон системы «Яуза»,
Вот и все!
...А этого достаточно!
Есть, стоит картина на подрамнике!
Есть, отстукано четыре копии!
Есть магнитофон системы «Яуза»!
Этого достаточно!

ПЛЯСОВАЯ

Плохо спится палачам по ночам,
Вот и ходят палачи к палачам,
И радушно, не жалея харчей,
Угощают палачи — палачей.
На столе у них икра, балычок,
Не какой-нибудь — «КВ» коньячок,
А эпоседствши — чаек, пастила,
Кекс «Гвардейский» и печенье «Салют»!
И сидят заплечных дел мастера,
И тихонько, но душевно поют:
— О Сталине мудром,
родном и любимом...
— Был порядок! — говорят палачи.
— Был достаток! — говорят палачи.
— Сделал дело, — говорят палачи, —
И пожалуйста, сполна получи!
(Белый хлеб икрой намазан густо,
Слезы кипяточка горячей,
Палачам бывает тоже грустно;
Пожалейте, люди, палачей!)
Очень плохо палачам по ночам,
Если снятся палачи палачам!
И как в жизни, но еще половецей,
Бьют по рылу палачи палачей!
Как когда-то, в годах молодых —
И с отяжкой, и ногою в поддых,
И от криков, и от слез палачей
Так и ходят этажи ходуном.
Вызывают «неотложных» врачей
И с тоскою вспоминают о Нем,
— О Сталине мудром,
родном и любимом...
— Мы на страже! — говорят палачи.
— Но когда же? — говорят палачи.
Поскорей бы, — говорят палачи, —
Встань! Отец, и вразуми, поучи!..
(Дышит, дышит кислородом стража,
Крикнуть бы, но голос как ничей,
Палачам бывает тоже страшно,
Пожалейте, люди, палачей!)

БАЛЛАДА О ЧИСТЫХ РУКАХ

Развезти по ветру подмоченный порошок,
И мы привыкаем, как деды, томь-в-точь,
Гонять вечера в незатейливых спорах,
Побасенки слушать и воду толочь.
Когда-то шумели, теперь поугасли,
Под старость любезней —
покой и почет,
А то, что опять Ярославля в Путилове
Горюет и плачет, так это не в счет.
Уж мы-то рукав не омочим в Каяле,
Не сунем в ладошь арестантскую хлеб,
Безгрешный холуй, запасайся камнями,
Разучивай загады, праведный гнев!
Недаром из школьной науки
Всего нам милей слова —
он умывает руки —
И хоть не расти трава!
Не высшая математика,
А просто, как дважды два!
Так здравствуй же вечно, премудрость
холопья,
Премудрость мычать, и жевать,
и внимать,
И помнить о том, что народные копья
Народ никому не позволит ломать.
Над кругом гончарным поет о тачанке
Усердное время, бессмертный гончар.
А танки идут по вацлавской брусчатке
И наш бронепоезд стоит у Градчан!
А песня крепчает —
«взвивайтесь кострами!»
И пепел с золою, куда ни ступи.
Взвиваются ночи кострами в Острове,
В мордовских лесах и в казахской степи.
На севере и на юге —
Над ржавой землей дым,
А я умываю руки!
А ты умываешь руки!
А он умывает руки,
Спасая свой жалкий Рим!
И нечего притворяться — мы ведаем,
что творим!